

18+

АНДРЕЙ СЕМКЕ

Трёпки

Андрей Семке

Трёпки

«Издательские решения»

Семке А.

Трёпки / А. Семке — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518107-7

Пока мы были в самоизоляции, родились «Трёпки» — маленькие, ёмкие, интересные, забавные и не очень понятные рассказы. Если что-то появляется на свет, то это не просто так. У рождённого обязательно должна быть миссия. Я не писатель, а пересказчик или даже рассказчик. Услышал историю, понравилась она мне, записал её, может чуть-чуть приукрасил или не докрасил. Сразу хочу отметить, что это не интеллектуальное чтение, оно не разрывает мозг на части, а наоборот, складно и просто показывает наш мир.

ISBN 978-5-00-518107-7

© Семке А.

© Издательские решения

Содержание

Трёпки	6
Дуплеты	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Трёпки

Андрей Семке

© Андрей Семке, 2020

ISBN 978-5-0051-8107-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трёпки

Как быстро меняется наш мир, как мгновенно меняется наше осознание реальности. Казалось бы, прошло каких-то два месяца сидения взаперти, а мы поняли, как дороги нам те минуты, секунды, которые мы проводим со своими родителями и друзьями. Встречи, которые сегодня из-за массы препонов стали невозможными, обязательно произойдут, и мы увидимся с нашими школьниками, коллегами, мы снова будем радоваться сладостным минутам общения, глядеть в глаза друг другу, ощущать тепло и быть счастливыми от этого мироощущения, но для этого надо чуть-чуть подождать...

А пока мы были в самоизоляции, родились «Трёпки» – маленькие, ёмкие, интересные, забавные и не очень понятные рассказы. Если что-то появляется на свет, то это не просто так. У рождённого обязательно должна быть миссия. Я не писатель, а пересказчик или даже рассказчик. Услышал историю, понравилась она мне, записал её, может чуть-чуть приукрасил или не докрасил. Сразу хочу отметить, что это не интеллектуальное чтение, оно не разрывает мозг на части, а наоборот, складно и просто показывает тот мир, в котором мы с вами живём: добрый и непростой, сказочный и реальный, несправедливый и тонкий, ароматный и знойный, весёлый и оплакивающий! Наш мир с проблемками и их решениями, любовью и надеждой, призрачный и обнадеживающий!

Берегите себя, берегите своих близких, дорожите тем, что есть у вас сегодня, не бегите за благами, они все рядом с вами – ваши родители, семья, друзья, работа и прекрасная мать-природа! Помните: «Счастье – не цель! Счастье – образ жизни!»

Дуплеты

(два или три рассказа, объединённых одним персонажем или одной идеей)

1 дуплет

Память

– Гена, в твой день рождения, я хотела подарить тебе вот этот спортивный костюм, он очень практичный и немаркий, носи его на здоровье!..

Как же повезло Лидочке с мужем Геннадием. Он у неё был однолюбом. А это решало буквально все семейные проблемы.

Муж – творческая личность. Гастроли, поклонницы, творческие посиделки, а Генка чуть-чуть посидит, искромётным юмором всех уморит и к телефону, любимой отзвониться, рассказать, как день прошёл, что кушал, как себя чувствует, как прошёл концерт. Супруга в свою очередь настойчиво рекомендовала выпить обязательные таблетки, посмотреть костюмы на завтрашний день, уговаривала, чтобы не выпивал с компанией и пораньше лёг спать. Геннадий отдакивался, добавляя к каждому своему предложению: «Хорошо, любимая!», «Обязательно, любимая», «Слушаюсь, любимая!»...

Потом он прощался с товарищами, закрывался в своём номере и репетировал. Геннадий знал, что самая лучшая импровизация – отрепетированная и отточенная...

Лидочка обожала своего мужа. Он прилично зарабатывал, у него не было вредных привычек, к еде был непривередлив, и Геннадий боготворил Лидочку. После каждого концертного тура привозил ей роскошные украшения или дорогие наряды. И потом они шли вместе «кутить» в ресторан. Лидочка обязательно надевала обновки, они называли это «выгулять» бриллиант. Бриллиантом, конечно же, была супруга!

Смешило Лидочку в своём супруге отсутствие какой-либо памяти к подаренным вещам. Спортивный костюм она дарила ему в четвёртый раз, и Геннадий, как ребёнок, радовался этому подарку. Он надевал его, дефилировал в обновке перед Лидочкой, потом снимал, аккуратно укладывал в подарочный пакет и убирал на полку.

Супруга же не тратилась на новую покупку, просто доставала пакет с полки и дарила его мужу на очередной праздник, как в первый раз.

– Мой любимый муж, в этот знаменательный день я дарю тебе последний писк моды, великолепный импортный костюм, в нём ты будешь выглядеть атлетом... – весело смеялась супруга, которая не могла наглядеться на восхищение мужа дорогим подарком.

– Наконец-то у меня в гардеробе появилась необходимая вещь, буду в нём ездить на дачу и гулять по вечерам...

Генка ни разу так и не догадался, что костюм-то был один и тот же. Да и зачем ему спортивный костюм, физические упражнения он не любил, а прогуливался обычно в джинсах и свитере, которые когда-то подарила ему Лидочка, лет пятнадцать назад... Так что подарок помещался на полку в плательный шкаф, и о нём забывалось...

Чёрная икра

В советские времена выезд за границу был целым событием. Железный занавес для отдельно взятого гражданина великой страны приоткрывал завесу. Геннадию повезло, его пригласили в Корею!

Подготовка к поездке осуществлялась на всех фронтах: нужно было найти валюту; взять заказы на импортные товары у всех родственников, знакомых, знакомых родственников; выслушать все советы, как за границей лучше провести время, куда сходить, что попробовать

из местных деликатесов, в каких магазинах отовариваться; и главное, что с собой взять такого-этого, что обязательно можно будет либо обменять, либо продать...

– Бери с собой русскую водку, они от неё балдеют...

– Лучше меха или янтарь, там это ценится, и у тебя с руками и ногами оторвут...

– Да что вы понимаете? Икру надо брать, чёрную икру! И чем больше, тем лучше!

Когда речь заходила о чёрной валюте, соглашались все, что это самое ценное и лучшее для продажи за границей. Но где купить чёрную икру, да ещё в большом количестве? Вот этой проблемой озадачились все родственники, друзья и друзья родственников. Подпольными путями, через каких-то сомнительных товарищей находили по граммам, из которых сложилась увесистая трехкилограммовая банка.

Геннадий аккуратно упаковал будущую машину, а он уже всё рассчитал и прикинул. Если всю икру удастся продать, то он купит себе подержанную машину. А это для него большое приобретение.

В стране, которая у нас ассоциируется с пряностями и корейской морковью, с брендоманией и корейской водкой, которую пьют тоннами, технологии ушли так далеко, что если звучит «Сделано в Корее», то это однозначно высокого качества. Страна утренней свежести должна была одарить Генку красивой и быстрой машиной.

Вся поездка занимала неделю, и расслабляться было нельзя. Поселили нашего героя в комфортабельном отеле на берегу залива. Смушала лишь жара, которая проникала во всё. Особенно Геннадия заботила икра. Он предлагал её всем наперебой: сотрудникам гостиницы, организаторам форума, просто встречным людям. Через два дня все от него начали шараться, а Геннадий боялся одного, что икра в такой жаре испортится. Он потихоньку начал её поедать. Сначала небольшими порциями, потом всё больше и больше. Покупателей не было до последнего дня.

Когда икры практически не осталось, к нему в номер пришёл один из сотрудников отеля и очень тихо, боясь, спросил о чёрной икре. Геннадий был в ярости на себя от того, что ему нечего было предложить.

Через полчаса к нему стучался следующий клиент, желавший российского чёрного золота... Потом пришёл директор концертного зала с дипломатом денег, чтобы купить у Геннадия зернистый деликатес...

«Лучше бы я взял простой водки» – думал Генка, было бы чем запить горе. Ни автомобиля, ни денег, ни чёрной икры. С тех пор много воды утекло, но на икру, даже шучью, наш герой смотреть не может...

2 дуплет

Нервы

– Доктор, у меня так сильно болит локоть, дотронуться невозможно, посмотрите, может быть там трещина?

– Милочка, если у вас что-то болит, то зачем это что-то трогать. А вообще запомните: все болезни от нервов.

– То есть локоть у меня из-за нервов болит?

– Вы же его трогаете, значит нервничаете.

– Трогаю, потому что болит. Посоветуйте мне что-нибудь, доктор.

– Обратитесь к психологу, может, он вам поможет!

Психолог

– Добрый день, друзья. Мы собрались с вами, чтобы решить ваши личные проблемы. Давайте познакомимся. Вы скажете, как вас зовут и с какой проблемой вы ко мне пришли. Начнём.

– Меня зовут София, и я плохо сплю. Я вообще в последнее время очень плохо сплю. Всё из-за того, что торговля идёт плохо. Я работаю продавцом.

– Я Марина, и у меня проблемы с сыном. Он постоянно уходит из дома и не говорит куда, я беспокоюсь за него, а он этого не понимает.

– А сколько лет вашему сыну?

– Тридцать два. Я его одна воспитываю, понимаете?

– Здравствуйте, я пришла к вам потому, что мне посоветовал доктор, у меня болит локоть, а он сказал, что все болезни от нервов.

– Не переживайте. Достаточно одного сеанса, и вам станет легче. Мы познакомились. А теперь поиграем. Пусть кто-нибудь из вас встанет в центре. Это будет наше счастье. Все остальные встанут вокруг и будут спрашивать: «Где моё счастье?». А ведущий будет отвечать: «Я ваше счастье». Попробуем. София, начинайте.

– Где моё счастье?

– Мы твоё счастье?

– Марина, продолжайте...

– А как же мой локоть?

– Что, не прошёл? Пройдёт... Вы наше счастье...

3 дуплет

Заслуженная

У Михаила возникли сложности в институте только по одному предмету – химии. Не потому что он плохо учился в школе, нет. У него преподавала самая известная в посёлке, самая заслуженная учительница. Она носила гордое звание – Заслуженный учитель СССР. Местные говорили, потому что двоек не ставила...

А плохих оценок Евдокия Гавриловна действительно не ставила. Она была педагогом старой закалки, от её голоса мухи в обморок падали, а крысы притворялись мёртвыми. Такой монстр с указкой, только в юбке.

Школьники не только боялись опоздать к ней на урок, но просто забыть ручку или тетрадь, чихнуть или выйти по нужде. Строгость была запредельная. На каменном лице учительницы никогда не видно было даже тени улыбки. Всё произносилось со сталью в голосе, движения были чёткими и выверенными, любые посягательства на личное мнение или попытку задать вопрос пресекались на корню.

Если всё-таки кто-то из ребят хотел спросить и подходил к Евдокии Гавриловне, то было видно, как трясутся руки и дрожат ноги.

В общем, заслуженную, презаслуженную учительницу боялись в школе все от учеников до директора, уборщицы до воробья на ветке.

А методика преподавания у неё была незамысловатой. Она окидывала своим орлиным взглядом класс, громким и металлическим голосом называла параграф в учебнике и произносила:

– Попробуйте хоть пикнуть...

Громко закрывала за собой дверь, удаляясь из класса. Начиналась работа. Списывали параграф аккуратно в тетрадь, а потом отвечали на вопросы. За три минуты до окончания урока дверь тихо отворялась и на пороге появлялась Евдокия Гавриловна. Собирала тетради и произносила последнюю фразу:

– Урок закончен, вы свободны.

После этого традиционно звенел звонок. А в классе раздавался зычный детский выдох. Всё закончилось... До следующего урока...

Вот только химию так никто и не познал, потому что все боялись...

Пирожок

В начале войны семья Михаила пополнилась племянниками и племянницами. Все взрослые, кроме мамы, либо ушли на фронт, либо сутками напролёт стояли у станков. Тринадцать детей как-то нужно было прокормить.

Мама Михаила, Зоя Петровна, продавала пирожки. Стационарная лавка была устроена так, что в большой котёл, помещённый в фанерный ящик, укладывали десятки пирожков. Они находились, как в термосе, поэтому оставались долгое время горячими.

Вечером приезжал заведующий, забирал выручку, а лавку на себе мамаша тянула домой. Мишка старался помогать, но силёнок у него не хватало, только мешался. Но мать ему не перешила, и они тянули кладь вместе. Утром тянули на набережную, вечером домой. Такая вот жизнь. А дома тринадцать голодранцев, которые, словно птенцы с открытыми клювами, ждали с работы маму Зою, которая накормит, напоит и спать уложит.

А она от безысходности научилась прятать один пирожок между котлом и фанерным ящиком. Из него дома она готовила суп и разливала всем детям, так на ночь глядя, дети чувствовали себя хоть чуть-чуть, но сытыми и спали более-менее спокойно.

Нашлись среди окружения Зои люди, которые в этой тяжелой ситуации написали донос. Зою Ивановну забрали в тюрьму, оставив на голодную смерть тринадцать малышей. Михаил, как самый старший, написал письмо с просьбой, чтобы его маму освободили. Как мог, написал. Корявым детским почерком. Написал, что их тринадцать, что есть в доме нечего, что отцы все на фронте, а у них осталась одна единственная мама Зоя.

Через неделю мать вернулась домой. Она сказала всем, что отпустили её благодаря письму Михаила.

4 двойной дуплет

Заговорённый

Дедушка Ваня не любил рассказывать про войну. Но перед смертью его, как будто провало, и он за одну ночь поведал о своих боевых дорогах. В момент объявления войны ему было только семнадцать лет, и в военкомате ему отказали в приёме в боевые части, но порекомендовали обратиться в райком комсомола. Так Ваня и сделал. Его приняли в народное ополчение. Выдали винтовку, сапёрную лопатку и с десятков патронов, усадили в грузовики и повезли. Колонна растянулась на километры, грузовиков было много, просёлочная дорога пылила так, что вскоре и лица, и одежда покрылись толстым слоем серого вещества.

Кто-то крикнул: «Небо!»

Ваня по инерции спрыгнул с грузовика и побежал в лес. Через несколько минут после артналёта уцелевшими оказались лишь два грузовика и с десятков новобранцев. Похоронили всех погибших у дороги. Что делать дальше командир не знал. Поэтому, погрузившись на уцелевшие грузовики, поехали дальше.

И доехали прямо на передовую, в самое пекло боевых действий. Один за другим погибали товарищи от вражеских пуль, от осколков, от бомбёжек. А у Вани ни одной царапины. А враг в первые месяцы войны наступал семимильными шагами. Опомниться не успевали, как оказывались в кольце под постоянными вражескими обстрелами. У кого-то из бойцов не выдерживали нервы, и они сдавались. Но были и те, кто ни за какие коврижки не перешёл бы на сторону врага. Среди таких был и наш герой. Они сутками выходили из окружения. Много солдат погибло в неравных боях, а Ваню ни одна пуля не брала, даже царапин от них не было.

В минуты передышки между боями Ванька думал про себя, что он заговорённый. И только размечтался, что ему нечего страшиться на войне, как шальной снаряд разорвался в метре от него. Быть бы на его месте простому смертному разнесло бы в клочья, а тут нет. Живым остался, да ещё и в медсанбат попал. Осколками грудь прошило, а до сердца не коснулось.

В госпитале никто из докторов поверить не мог, что так осколки могут человека прошить, не задев ни один важный орган. Зашили его, подштопали, а на нём, как на собаке, все раны затянулись. Через месяц Ваня был на передовой.

Командиры бойца не жалели. Не потому что лихой был и осторожный, а потому что самый опытный. С первых дней войны мало кто живым остался. А Ванька был хитрым, сметливым и на провокации всякие не поддавался. Поэтому часто выжидал, на рожон не лез, но и себя, когда надо, не берёг. Только вот отскакивали от него фашисты, как от чумного и урон не наносили.

Всю войну прошёл, в разных передрягах был, но на деле ничего его не брало. Вот только мысли о заговорённости он от себя отгонял, чтобы не привлечь к себе беду или шальные мины, или пули, как это было в первый раз.

Закончилась война, пора бы домой, а Ваньку как самого опытного отправили на зачистку деревень и посёлков от вражеских приспешников. Так до глубокой зимы, считай, с оружием в руках гонял вражину по лесам и болотам. Демобилизовали уже, когда холода наступили.

Домой ехал, радовался. Семью увидит, с женой встретится, мирную жизнь продолжит. С друзьями отметили окончание войны в теплушке. Выпили, закусили, ещё выпили. Друзей однополчан погибших помянули. Всё, как положено. За победу стоя, за матерей со слезой! И Ванька в какой-то момент не выдержал и всем рассказал о своей великой тайне, о заговорённости. Вроде как от боёв далеко, до дома близко. Конечно, мало кто из товарищей в эти басни поверил. Видели они бойца в бою, смелого и отважного. Знали, за какие заслуги на груди медали и ордена. А Ванька от перепоя уснул в холодном тамбуре и замёрз.

Всю войну прошёл, вражеские пули и снаряды не взяли, а тайну выдал и помер. Вот такие они, заговорённые!

Рога

Вдоль всех дорог вереницами выстроились беженцы. Тысячи и тысячи подвод и бричек со скромным скарбом ютились на обочинах, пропуская технику и колонны советских солдат...

Иван удивлялся, какими баснями и сплетнями напугали местных жителей фашисты, что они покинули насиженные места в так называемой Пруссии. Колонны женщин с детьми и старики на бричках и телегах передвигались по просёлочным дорогам, покидая свои родные дома. Кто-то волоком, кто-то на тачках тянул свой скудный скарб. Люди были вымотанные и оголодавшие. Солдаты уговаривали людей повернуть обратно, но те шарахались от русских, будто от чертей.

На одном из привалов скопилось много техники и беглых людей. Всё перемешалось. Ваня придумал, как изменить отношение местных жителей к нашим бойцам, Собрал ложки у бойцов, в котелки набрал каши, позвал малых ребятишек и раздал им по ложке и по котелку. Те смотрели на Ивана, как на лешего, и не притрагивались к еде. Но среди бойцов нашёлся один, который понимал немецкий и мог на нём говорить. Ваня попросил его сказать, чтобы дети покушали.

Застучали ложки по алюминиевым стенкам котелков, оголодавшие дети очень быстро съели кашу. И не разбежались по своим бричкам, а остались на месте. На их лицах появились улыбки, а самый шустрый залез на колени к Ивану и ручками стал шарить под шлемофоном. Ваня не мог понять, что делает шалун. А тот продолжал руки под шлемофон засовывать и смеяться. Остальные дети тоже начали улыбаться и что-то бурно обсуждать.

Выручил солдат, понимавший немецкую речь:

– Это он у вас рога ищет. Детям рассказали, что все русские бесы и у них на голове рога растут. Вот он у вас их не нашёл. Детям рассказал, а они от этого развеселились.

Иван снял шлемофон, закрутил головой во все стороны. Улыбнулся и сказал:

– Скажи им, что мы ангелы, а бесы все бегут от нас сейчас семимильными шагами, но мы их обязательно догоним и назад не пустим.

После этого все дети подбежали к Ивану и руками начали ощупывать его волосы. Дети уже не удивлялись, а только говорили по-немецки:

– Он ангел, ангел!!!

Расплата

Самые тяжёлые и горькие впечатления у Ивана оставил разбитый американской авиацией город Дрезден. Когда русские солдаты вошли в этот старинный немецкий город, он напоминал строительную свалку. Все дома были разбиты, груды перемешанных камней, битого стекла, обгоревшая древесина и чудовищные клыки железобетона саркофагами разлеглись по всей «Флоренции на Эльбе», как ласково называли его жители.

Иван шагал по улице и недоумевал, зачем нужно было так издеваться над людьми и историей, ведь фашистов в городе была небольшая кучка и можно было взять его небольшими силами, без разрушений и большого числа жертв среди населения. А убитых и раненных было много. Блистательная столица Саксонского королевства, воспетая в картинах Беллотто, напоминала многие разбомбленные фашистами города Советского Союза, разбитые до основания варварами.

Русский солдат Иван осматривал дома, вытянувшиеся вдоль Эльбы. Ему представлялись величественные здания со шпилями и колонами, но это было в его фантазиях, реальность была чудовищной. Около одного дома, от которого осталась стена, стояла женщина с двумя маленькими детьми. Они прижались к её ногам, обхватив их руками. На них было больно смотреть, Иван подошёл к ним, вытащил из вещмешка хлеб и банку тушёнки и протянул детям. Они схватили и отдали матери. Та что-то начала говорить, а потом освободилась от детей и потянула солдата в подвал дома.

Ваня смотрел на неё в недоумении:

– Чего ты хочешь?

Она начала показывать на продукты и снова тянуть его к подвалу. Расстёгивая на себе пальтишко.

– Ты что, дурра, делаешь? Расплатиться хочешь? Так это не тебе еда, а твоим детям. – Солдат выматерился всеми известными ему немецкими словами и добавил: «Es ist Kinder. Понимаешь? Ферштейн?»

Женщина немного пошатнулась, присела, обняла детей и расплакалась. Иван погладил детей по головам. Завязал вещмешок, закинул его за плечо и пошагал дальше...

«Флоренция на Эльбе», столица Саксонского королевства, Дрезден – город руина, одна сплошная разорённая бездушная голодная пустыня... Бедные люди...», – думал Иван перелезая через очередные развалины. Его дом был ссажён фашистами дотла, семья погибла от рук убийц, единственное, что у него осталось – это его жизнь и сердце, понимающее, что в этой войне народ не виноват...

Арест

Где-то недалеко разбомбили винный склад. Ваньку его подчинённые подначивали: «Все уже отоварились, запаслись заморскими напитками, многие уже приложились да хорошенько, а мы, разведчики, ни в одном глазу. Выставят оцепление или охрану и всё, не прорваться к спиртному». Допекли взводного так, что тот приказал к складу на «Доджике» ехать.

А хранилище было огромным и напитков в нём видимо-невидимо. В ящиках и просто гуртом. Погрузили в кузов всё, что уместилось: коньяк, шнапс, вино. Аккуратненько накрыли брезентом и помчались обратно в расположение. Едут под перезвон бутылочек, душа у солдат

радуется в надежде на большой праздник, только Ванька грустит. Боится, что напьются его бойцы, а вдруг срочное задание. Тогда всех под трибунал.

А солдаты размечтались. Друг другу истории начали рассказывать, кто, где да как упился до полусмерти. Одна байка веселее другой, только концы у всех дюже печальные. Закручился Ваня совсем. Смотрит на ящики с заморскими волшебными напитками, а в голове одно вертится: перевернулись бы на какой-нибудь яме, чтобы всё в драбадан разбилось. Только ни ям таких, ни ухабин. Немецкие дороги, даже грунтовые деланы не дураками.

Вдруг навстречу «Доджу» с разведчиками вырывает генеральская машина. Пришлось остановиться. Выскочил Иван из кабины, представился, как по уставу, а начальник спрашивает:

- Что везёте?
- Оборудование, товарищ генерал.
- Покажите мне его...

Открывает брезент, а под ним красивые разноцветные бутылочки в ящиках. Захмурил генерал. Приказал ящики из грузовика на землю снять, и все бутылки при нём расколошматить...

Надо было видеть лица бойцов...

После того, как всё пошло было уничтожено, генерал обратился к Ивану:

– А вы, товарищ, за враньё по прибытии в место расположения доложите начальству о происшествии, и трое суток ареста. Понятно?

– Есть, товарищ генерал, трое суток ареста. Разрешите ехать в расположение.

– Езжайте.

Дальнейшая дорога прошла под унылые аханья и оханья солдат. Только Иван был весел и энергичен. Как здорово всё разрешилось! Никто не напился, никого под трибунал не отдали, все в строю, живые и невредимые. Вот закончится война, тогда уж погуляем! А арест, да в полевых-то условиях, это не арест, а санаторный отдых!

5 дуплет

Зелёные призраки

Иван быстро постигал военную науку, и уже через год равных в разведке ему не было. Нужен язык – доставит. Ценные сведения раздобыть – пожалуйста. У него подобралась очень слаженная команда, как говорится, один за всех и все за одного. Якут Ванька – меткий стрелок, грузин Ваню – любитель песен и отменный сапёр, Иван, смекалистый, осторожный и одновременно быстро принимающий решение. Тройку быстро окрестили зелёными призраками...

Очередное задание было сложным и интересным, необходимо было взорвать мост, который для фашистов стал жизненно важной артерией в переброске техники и солдат. Перекрой им этот транспортный поток, и захлебнутся они от нехватки сил. Только подобраться к мосту было невозможно. Всё утыкано постами и пулемётчиками. Попытались по воде, наткнулись на сети, которые были заминированы.

Решили оглядеться и обождать. По железнодорожным путям то в одну, то в другую сторону двигались поезда. Прицепить взрывчатку к ним было делом опасным, но разведчики надеялись на везение. И повезло. Три раза в день к мосту на дрезине ездили два немца, обходчики. Около поляны с черникой они останавливались и собирали ягоду. В это время дрезина была без присмотра, и зелёные призраки закрепили на ней взрывное устройство с замедлителем. Фашисты не заметили и спокойно отправились к мосту. Там и произошёл подрыв, очень удачно, мост восстановлению не подлежал.

Отходить решили на машине. Почти сто километров до линии фронта во вражеском тылу после такой диверсии пройти было нереально. И вот Ивану пришла мысль: захватить вражескую машину с пропуском и на ней преодолеть это расстояние. Нашли хорошо просматривае-

мую просёлочную дорогу. Ваню смастерил из фляжки и проволоки что-то похожее на растяжку. Прикопали, чтобы водитель хорошо мог распознать, и залегли в засаду.

Долго ждать не пришлось. Машина, перевозившая съестные припасы, ехала медленно, и зоркий фриц заметил растяжку на дороге. Остановив машину, он вышел осторожно, озираясь по сторонам, подошёл к мнимой бомбе, а потом расхохотался и позвал к себе напарника. Вместе они выдернули фляжку из земли. Вот тут в дело вступили разведчики. Нужно было действовать аккуратно.

Переодевшись в фашистскую форму, они поехали в сторону фронта, за два часа преодолели необходимое расстояние. Проблемой стал шлагбаум с пулемётным расчётом на пути. Без остановки разведчики пролетели сквозь него, но при этом зацепили хвост из двух мотоциклов. Пришлось машину бросать и дальше передвигаться пешком. Предварительно они переодели убитых фрицев в свою форму и подожгли вместе с ними фургон...

Дальнейшее продвижение зелёные призраки осуществляли ночью. Днём заваливались ветками деревьев и листвой и отсыпались...

Пока друзья спали, Иван осматривал окрестности и заметил, как немцы ведут наших пленников на работы. Охрана была небольшой. Но оставлять наших ребят в лагере не очень хотелось. У разведчика родилась идея. Он поделился задумкой со своими товарищами, и его поддержали. Утром зелёные призраки смогли реализовать замысел и освободить из плена с полсотни солдат.

Как прорываться дальше? Действия зелёных призраков привели к панике и ажиотажу всё немецкое командование. Были брошены огромные силы на поимку диверсантов-разведчиков. Но бойцам опять повезло. Пока освобождённые пленные солдаты укрывались в лесу, Иван со своими ребятами без единого выстрела взял фашистский пропускной пункт, а на нём оказался фургон, перевозивший оружие, гранаты и другие боеприпасы.

Повторив свой ход с переодеванием убитых немцев в советскую форму и поджогом грузовика и вооружив всё своё ополчение, Иван решил с боями прорываться к линии фронта. Иначе могли погибнуть все. Немцы взяли в кольцо зелёных призраков с освобождёнными солдатами...

Везунчикам удался прорыв. За линией фронта встречали героев...

Возвращение

После войны Иван вернулся в свою деревню. Мужиков всех война выбила, поэтому село напоминало больше бабский отряд с малыми детьми и стариками. Ночами ему снились боевые товарищи, часто он просыпался в холодном поту от переживаний. После этого долго сидел на крыльце и вслушивался в тишину, которую редко нарушали собаки. Сознание приходило с рассветом, когда петухи начинали петь песни и оставшиеся коровы с бубенчиками выходили из калиток на водопой.

Иван шёл к реке, заходил в неё по колени и умывался, покрывая и покрикивая от восторга. Холодная вода быстро приводила бравого разведчика в чувства. В один из таких дней к нему в гости нагрянул Ваня. Он привёз с собой красного вина, сыра и ещё какой-то грузинской еды, в которой местные плохо разбирались.

Вечером собралась вся деревня за большой стол. Гостеприимству здесь были научены ещё своими пращурами. Женщины буквально прилипли к «зелёным призракам», расспрашивать о войне никто не желал, а вот о будущем говорили...

Именно в этот вечер отчаянное и осторожное сердце Ивана было обречено. Он встретился глазами со своей будущей женой. Мария была на этом празднике очаровательна, правда, в глазах её были не столько веселье, сколько боль и понимание. Война забрала у неё братьев и отца. Осталась девушка одна с матерью.

Вано пришлось задержаться. Свадьбу Иван да Марья сыграли через неделю. Медлить было некогда. Впереди много работы. Сено нужно заготовить впрок, урожай убрать, землю приготовить для посева озимых. Иван был, как и на войне, трудягой и оптимистом. У него всё спорилось, и его хотели назначить председателем колхоза, руководителем партийной организации, но скромный разведчик от высоких должностей отказался.

Ему нравилось то состояние, которое подарила победа. Труд отвлекал от постоянно накапывающих мыслей о войне... Иван не мог оставаться один, поэтому искал повод помочь по хозяйству родителям, молодой жене, не отказывался, если просили поработать на току или ферме...

Когда отец попросил помощи в сенокосе, откликнулся. Выехали рано утром, ещё до рассвета. Делянка находилась в часе езды. Пели песни, шутили друг над другом. Отец то и дело разыгрывал сына-разведчика, а тот поддавался на розыгрыши и приколы, попадая впросак.

До обеда косили траву. Она из-за постоянных дождей стояла по пояс. Работали слаженно, и Иван старался не отставать от пожилого отца, который удивлял его своей прытью, выносливостью и силой. Несмотря на свою молодость, Иван быстро уставал. Отец видел это и делал вид, что затупилась коса, поправлял её, в другой раз шёл за крынкой с водой, и они вместе утоляли жажду.

Когда дело было сделано, решили перекусить. Иван пошёл к ручью умыться. Вода была очень холодной, и после жаркого дня хорошо остужала тело. Разведчику вспомнилась война, когда они сутки сидели в такой воде, окружённые фрицами с разъярёнными собаками. Откуда тогда взялось и здоровье, и сила воли, и выдержка... Потом они в промокшей одежде двое суток ползли к своим... Иван присел на пригорок. Накатали слёзы... Голова затуманилась, в глазах потемнело...

У «зелёного призрака» остановилось сердце. Ему едва исполнилось двадцать семь лет...

6 дуплет

Кривая

Мишка не мог понять, почему все с таким трепетом и уважением относились к бабушке Прасковье. Она была слепая, хромая, да ещё и горбатая. При всех своих недостатках она ухаживала за живностью и гоняла коней на пастбище. Среди них был один лентяй, по кличке Петька. Назвали так коня в честь легендарного друга Василия Чапаева. Но конь своего имени не оправдывал. Когда надо было пахать, старался от работы отлынивать, впрягался тяжело, а потом и шёл еле-еле, так что любая кобыла давала ему сто очков вперёд. Слушался конь только бабку Прасковью. Прикрикнет она на него, и конь будто другим становился, всё в нём изменялось. Послушный, работающий. Как только внимание к нему ослабевало, сразу из ретивого Петька превращался в лентяя. И хоть что с ним делай! Толку без Прасковьи было от него мало. Зато порезвиться в реке или подкормиться овсом, вот тут конь был первым. Только увидит, что мешок с овсом к кормушке несут, Петька уже тут как тут, готов употребить.

Мишку интересовало, почему с таким вниманием относились к Прасковье. Он пытался к ней подкатить со своими вопросами, но бабулька быстро загружала его какой-нибудь работой. Она абсолютно ничего не видела, но слух у неё был феноменальный. Только Мишка с друзьями подбирался к её забору в надежде полакомиться малиной, как Прасковья их кликала по именам и просила вынести навоз из курятника. Промучившись полдня и вывозившись в курином помёте, товарищи получали в награду большую чашку с крупными ягодами да крынку молока. Вот как она узнавала, что хотели сделать мальчишки? Как собирала ягоду, ведь в тазике не было ни одной зелёной, а все были как на подбор: чистые крупные и спелые, ни одной помятой и подавленной.

В другой раз хотели у неё с пастбища коней по-тихому увести, а она неизвестно откуда появилась и опять по-доброму к мальчишкам обратилась с просьбой отвести табун на водопой

к реке да хорошо их отмыть. Мишке с друзьями это в радость. Покупаются, заодно и на лошадаках покатаются...

В общем не получалось у Мишки с друзьями слепую старуху вокруг пальца обвести. Она как будто чуяла и всегда оказывалась на полшага впереди...

Как-то бабушка Прасковья шла по улице. Горбатое, еле ковыляющее создание тащило большой тяжёлый мешок. Мишка подскочил к ней и, вырвав из её рук поклажу, сказал, что поможет дотащить...

Мешок был нереально тяжёлым, и Мишка, корчась от его веса, прогнулся так, что ничем не отличался от старой карги. На крыльце, сбросив с себя тяжесть и присев на ступеньки, Мишка подумал, что зря напросился, теперь неделю всё тело будет болеть, а завтра ещё с отцом на сенокос ехать.

– Спасибо, малец. Вот только угостить мне, Мишка, тебя нечем.

По щекам Прасковьи текли слёзы. Она еле живая опустилась на скамейку.

– Ты хотел меня о чём-то спросить. Спрашивай.

– Бабушка Прасковья, почему вас все в посёлке уважают, ведь...

– Ты хотел сказать неполноценная, убогая, кривая, как оглобля. Так оно и есть. Когда мне было столько годков сколь тебе, шла я через дальний лес и наткнулась на медведицу с медвежатами. Бежать от них было поздно. Чудовище сбило меня лапой, а медвежата напали на меня. Они играли со мной, их когти поранили мне глаза, исцарапали всё тело. Несколько раз я порывалась встать, но медведица ударами своих лап сбивала меня с ног, а медвежата продолжали потешаться надо мной. От очередного удара я потеряла сознание, а очнулась уже затемно. Злой семейки рядом не было. Всё тело болело. Встать на ноги я не могла. Ползла домой всю ночь... Бабка меня травами отпаивала месяц. Люди ходили на меня смотрели, как на приведение. У нас в деревне не было ни одного человека, который уцелел при встрече с косолапым, свирепые они, загрызают и не брезгают. А я осталась живой, вот только спина после этого не выпрямляется и горб вырос. Так я стала калекой. В народе у нас ходит поверье: кто выжил после встречи с медведем, тот человек приносит счастье всем, кто находится рядом. Так что я талисман нашей деревни. И ещё одно поверье есть: кто обидит горбатого человека, у того в доме беда будет, а кто поможет, тому счастья полные штаны. Так что, Мишка, ты сегодня счастья отгрёб на всю оставшуюся жизнь, мешок пудовый старухе помог домой оттарабанить. Спасибо тебе. Счастливой у тебя жизнь будет, поверь старой карге. Хороший ты паренёк, добрый. Иди себе с миром...

Свадьба

Как и завещала бабушка Прасковья, жизнь у Мишки складывалась. Ему не только фартило, но и частенько везло...

Залезли однажды с друзьями в стог и уснули, а тракторист местный сено в трактор грузил. Так вилы сквозь стог так прошли, что товарищей сильно поранили, а Мишке ничего, ни одной царапины. Повезло.

В другой раз на реке рыбу ловили. Водяного, видимо, плохо задобрили, что водоворот такой поднялся, что товарищей всех поносило, кто потонул, кто воды нахлебался, а Мишка сумел за дерево зацепиться, и его пронесло. Даже одежду не намочил.

Радовался Мишка своему знакомству с Прасковьей. Заглядывал к ней частенько, по хозяйству помогал да разговоры о жизни вёл. За одной такой беседой старуха вдруг ни с того ни с сего сказала:

– Жениться тебе, парень, надо, семью завести. Бобылём не находишься, девок всех разберут, останешься со мной, старой каргой. Срок даю неделю. Более ждать не буду, сама к тебе свататься приду... А женишься, так я помру, в моём доме жить будете. Домище у меня крепкий, ни чета твоему... Срок неделя...

Мишка от таких речей оторопел. Он задумывался о будущем, да и Нюрка ему нравилась, девчонка хорошая, вот только обычаи деревенские уж больно заковыристые. Если договорились родители друг с другом детей поженить, быть большой свадьбе, такой, что вся деревня три дня гулять будет, а то и неделю. И неважно любят друг друга молодые, не любят. Как говорится, слюбится, стерпится. Невеста всю свадьбу должна реветь, ей не до веселья. Нельзя девичьи слёзы в мужнин дом нести. Вот сколько дней свадьба, столько девица и ревет. А потом детишек нарожают, хозяйство заведут и так до старости проживут.

Если же молодые меж собой договорились, то дело тайное. Поздно вечером парень шёл к дому своей возлюбленной свататься, никто его не должен был видеть, дабы удачу не отпугнуть. Если вдруг встретился по дороге с кем-нибудь, то приходилось возвращаться в свой дом и надеяться на следующую попытку. Пока не повезёт. Если родители невесты дадут добро, то быть свадьбе, но не для всей деревни, а только для родственников. Если же откажут, то либо парню нужно было соглашаться с решением её родителей и отступить от девицы, либо был ещё один шанс. После отказа жених вновь должен был идти в свой дом окольными путями, чтобы не встретить никого по дороге.

У Мишки оставался последний шанс. Родители не договорились меж собой, да и невозможно было договориться. Нюркины зажиточные родители никогда бы не согласились отдать её в жёны Мишке, у них были свои виды на дочь. Это как сравнивать поросё с облаком. Одни богатые, другие счастливые.

Пошла молодёжь на реку, водяного задабривать, да от жары спрятаться у прохладной воды. Шли через лес, Мишка с Нюркой отстали от всех остальных, ну и не дошли до реки, так в смородиннике и остались... Дело молодое... Любовь... А по местным деревенским традициям, после этого нужно было родителям сообщить. Так вечером они вдвоём и заявили. Сначала к Мишкиным родителям, а потом и к Нюркиным. На следующий день сыграли свадьбу, тихую, спокойную. И Нюрке рыдать не пришлось, и денег не потратили. Накрыли стол. Нюрка с Мишкой да их родители. Посидели, дела житейские обсудили, договорились, где жить молодожены будут, какое хозяйство из отчих домов им достанется.

Утром Мишка пошёл к Прасковье, хотел поблагодарить за назойливое пожелание. Только вот бабка не откликнулась, и в доме её не было. Походил парень по подворью покликнул, но так отзыва и не получил... Исчезла бабушка Прасковья, больше её никто не видел, только сон Нюрке приснился, как старушка обняла молодожёнов и перекрестила... После этого они переехали в её дом и счастливо зажили... Всё, как хотела Прасковья...

7 дуплет

К полюсу

Иваныч «снежный барс» – покорил все самые крутые горные вершины. За глаза его называли: «Великий покоритель гор». Но ему в последнее время в жизни чего-то не хватало, чего-то особенного, неординарного, экстремального, такого, чтобы не одной ногой у смерти стоять, а почти на двух, и чтобы выдержать и остаться по эту сторону Аида. Он видел многое: и глупые необдуманные поступки, приводившие к печальным исходам, и природную стихию, которая в один миг героев-покорителей превращала в снежный холм у тропы. Покоритель гор был другим, прагматичным, ответственным и влюблённым в жизнь. Поэтому все свои проекты Иваныч тщательно прорабатывал, для него не было мелочей, именно поэтому за всю свою небольшую жизнь от него никто не услышал печальных новостей. Все его группы всегда возвращались в целостности и невредимости. За это его уважали и почитали...

Друзья-путешественники видели дурной настрой Иваныча и, чтобы он совсем не скис, позвали его покорять Северный полюс на лыжах. Для Иваныча идея была очень заманчивой. Во-первых, не горы. Во-вторых, он никогда не ходил на лыжах. В-третьих, ему ни разу не покорялись полюса, разве что на уроках физики и то магнитные. А тут такое! Арктика. Северный

полюс. Полярный день. Белые медведи. Полная самоизоляция, и никакой поддержки извне. Три месяца ледяного плена...

Две ночи «снежный барс» провёл без сна, обдумывая предложение, прикидывая все за и против. Кровь бурлила. Такого состояния Иваныч давненько не испытывал. Альпинизм – дело для него привычное. Но в горах всё понятно, как в песнях Володи Высоцкого:

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил...

А вот покорение полюса, что его ждёт, на что рассчитывать, выдержит ли его организм экстремальные нагрузки и холод? Иваныч измерял комнату шагами. Волнение не давало покоя. Горы – этого его стихия. А вот сможет ли он совладать со снежными пустынями?

Сомнение брали ещё и потому, что он в какой-то степени предавал горы, которые подарили ему смысл жизни, вершины, которые ему снились чуть ли не каждую ночь. Простят ли они то, что Иваныч променяет их на Северный полюс. В голове крутились строки Юрия Визбора:

Вот это для мужчин – рюкзак и ледоруб.
И нет таких причин, чтоб не вступать в игру,
А есть такой закон: движение вперед,
И кто с ним не знаком, навряд ли нас поймет...

Чтобы развеяться и немного встряхнуться от вала накопившихся мыслей, Иваныч вышел на улицу и заковылял вдоль набережной, по реке на самодельном плоту шли мальчишки. Их было двое, два бесшабашных капитана, счастливые лица говорили обо всём! В эту самую минуту, глядя на юных покорителей волны, Иваныч принял окончательное решение! К полюсу!

Прославим тех, кто был на Эвересте,
Кто третий полюс мира покорил,
Кто кроме личной альпинистской чести
Честь родины своей не уронил.
И если где-нибудь гора найдется
Повыше эверестовских высот,
Из наших кто-нибудь туда пробьется,
А дня не хватит – ночью он взойдет!

Ледовитый

Иваныч часто думал, почему Ледовитый океан так назвали. Чаще всего он соглашался с мыслями о том, что в этом слове ключевую роль играет слово «лёд». Но он и подумать не мог, что ледяной покров может занимать такие пространства и быть таким разным. До экспедиции он был уверен, что для него поход к Северному полюсу будет простой прогулкой. Но всё, что он знал об Арктике до похода, всё, к чему он готовился, не шло ни в какое сравнение с реальностью.

Лыжи по замёрзшему льду не скользили, скорее это напоминало движение лыжника по песку или асфальту. Поэтому легче было перемещаться в таких местах без лыж. Через неделю Иваныч научился отличать, где полынья, где непроходимые торосы, а где притаились трещины. Коварные, они прятались запорошенные снегом, и в одну такую бывалый турист угодил. Спасибо товарищам – выручили. Но от первого купания в Северном Ледовитом океане

остались мокрые вещи. Сушить их было негде, поэтому друзья посоветовали их отжать и вновь надеть на себя. К концу дневного перехода вещи практически высохли.

После неожиданного купания Иваныч стал осторожнее, и прежде чем сделать шаг проверял лыжной палкой наличие трещины. Но и такая проверка не всегда давала должный результат, и он раз за разом нырял в холодную воду... А потом замерзал в мокрой одежде. Сани с поклажей тащились за путешественниками и больших проблем не создавали. Только немного замедляли темп и порой переворачивались.

Каждый день перехода был изнурительным и сложным. Иваныч разговаривал с собой о смысле жизни, о дружбе, о человечности, о любви, которую потерял безвозвратно, об отношениях с родителями, которых не видел несколько лет. Он дал себе клятву. Если он вернётся после этого тяжёлого похода, то первым делом навестит их. А ещё он вспоминал любимые стихи и песни. Окуджава, Высоцкий, Визбор, Розенбаум... Иваныч пропевал одну за другой, настроение улучшалось. Если забывал слово, то напрягал мозг и пел до тех пор, пока слово не находилось:

Меняет русла рек, срывает горы,
И в Арктике выращивает сад
Страна вечнозелёных помидоров
И родина асфальтовых заплат...

Сложной в преодолении была полынья. Колокольчики, которые надевали на ноги, спасали от намкания, но в некоторых случаях воды был так много, что она перехлёстывала. Иваныч сначала не мог привыкнуть, к однообразному пейзажу. Солнце, как мячик, каталось по горизонту, изредка цепляясь за небольшие облака. День сменялся днём. Света была так много, что от него слепило глаза. Но затем пришло осознание неземных пейзажей, окутанных то лёгким туманом, то ослепительно ярким светом, то какой-то небывалой гаммой красок. Вечные льды превращались в уникальные неповторимые картины, которые хотелось запомнить, как когда-то виды покорённых вершин... Каждый день дарил новые эмоции. Пейзажи менялись не по дням, а по часам. Возможность любоваться местными красотами дарило обнажённое солнце, которое меняло в считанные секунды расцветку льдов. Цвета снега и льда отличались многогранностью и какими-то неестественными оттенками. Белоснежные пустыни в мгновение ока превращались в светло-голубые, а затем в красновато-розовые. А какие краски дарило полярное небо! Это было что-то из разряда волшебного сияния. Горизонт периодически окрашивался то в ярко-ромашковые цвета, то в багрово-алые, которые сменялись васильковыми и лазурными. Малахитовые облака опускались за сиренево-фиалковый горизонт. Иваныч таких игр красок не видывал в жизни никогда.

Ещё одной потрясающей особенностью ледовых пирамид было их звучание. Космические звуки сопровождалось не только шипением, скрипом и треском, но и какими-то совсем звонкими: дзинь, динь, цинь, дзунь, брюнь... Ветер гонял снеговую порошу и его отзвуки в сочетании со всеми остальными участниками полярного оркестра превращались в арктическую симфонию, приятную и успокаивающую...

Когда перед походом Иваныч прочитал книгу Шпаро «Пешком к вершине планеты», он и подумать не мог, что их путешествие будет кардинально отличаться от предшествующих. У тех счастьем было встретить хоть какую-нибудь живность в Арктике.

Группе Иваныча иногда было не до веселья. Особенно когда белый хищник начал кромсать палатку. Отгоняли холостыми выстрелами, но мишка от путешественников отошёл недалеко и несколько дней преследовал группу. От этого было страшновато и неудобно. Белый медведь, будто что-то чуял, шёл за путешественниками параллельным курсом на небольшом расстоянии, боялся выстрелов, но не прятался за торосы, а нагло, как хозяин снежной пустыни,

то приближался к незванным гостям, то, обогнав, залегал и ждал, когда Иваныч с товарищами подойдут поближе, чтобы показать им свою силищу и оскал. Зверь был нереально гигантских размеров, с густой бело-серой шерстью и вытянутой мордой. Его трудно было различить в снегах Арктики, но путешественники по хрусту снега и тяжёлому дыханию знали: он где-то рядом.

Ещё одним неприятным попутчиком был свистящий ветер, который не унимался и очень быстро превращал кожу в белёсую обмороженную субстанцию. Приходилось бороться с ним жиром, намазывая открытые места толстым слоём, но и это не спасло Иваныча от обморожения кончика носа. Он стал в один ряд с легендарным Дмитрием Шпаро, который тоже не избежал этой участи.

Самым страшным эпизодом стал момент, когда во время отдыха прямо под палаткой начал трескаться лёд. Такого никто не мог предвидеть, но, слава богу, успели всё спасти и не потеряли ни снаряжение, ни продукты.

Быстрое таяние привело к тому, что необходимо было сокращать время на переходы, часть снаряжения и продуктов питания пришлось на одном из привалов оставить. Иваныч шёл, преодолевая боль в мышцах, не обращая внимания на обледеневшие усы и волосы, на бесчувственные пальцы ног и шептал, шептал стихи великого Окуджавы:

Человек стремится в простоту,
как небесный камень – в пустоту,
медленно сгорает
и за предпоследнюю версту
нехотя взирает.
Но во глубине его очей
будто бы – во глубине ночей
что-то назревает.
Время изменяет его внешность.
Время умиряет его нежность,
словно пламя спички на мосту,
гасит красоту.
Человек стремится в простоту
через высоту.
Главные его учителя – Небо и Земля...

Последнюю часть маршрута путешественники голодали. Но, как говорится, всё хорошо, что хорошо кончается. Для Иваныча очередное покорение оказалось самым сложным, но и самым запоминающимся. Он победил холод, ветер, ледяные торосы, и главное – у него проснулись затаённые потребности, которые были практически стёрты.

Иваныч, как только группа прибыла на большую землю, купил на первый же поезд билет и помчался к родителям, которых он не видел несколько лет и которым был обязан своей непутёвой жизнью... Ледовитый океан выполнил свою главную миссию: растопил лёд в душе покорителя горных вершин...

8 дуплет

Дружок

Этого пса знали все в округе. Бабушки периодически его подкармливали. Беззлобная дворняга поселилась во дворе и стала всеобщей любимицей. Знакомых она приветствовала вилянием крючкообразного хвоста и негромким потягиванием. Милое создание, лохматое и вечно дружелюбное могло поиграть с детьми, отогнать празднующих кошек или целый день провести в тени сиреневого куста, высунув влажный розовый язык. Два уголька глаз

и торчащие серо-бело-чёрные уши можно было увидеть в любом конце двора. Пёс откликался на любые свисты, крики и клички, но больше всего ему нравилось, когда его называли Дружок.

– Дружок, пойдём с нами в классики играть, – звали девчонки, и лохматик прыгал вместе с ними за консервной банкой или небольшим камешком...

– Эй, пёс лохматый, беги скорее, бабушка Марфа тебе косточек вынесла...

– Ну, Барбос, дай я тебя помну, мягкий ты какой, только вот псиной от тебя пахнет. Вынесу воду, помою тебя...

Собаке очень нравилось, что её не обижали, подкармливали и относились хорошо. Порой она принималась и наслаждалась запахами, доносившимися из открытых форточек кухонь. Нанюхавшись и не захлебнувшись слюной, пёс шёл к своей площадке и находил там обязательно что-нибудь вкусненькое. Не жизнь, а рай во дворе...

В дневной зной, когда во дворе никого не было, Дружок прятался под куст сирени и спал. Но однажды во двор пожаловали чужаки, молодые парни с баулами пошла, они заняли детскую площадку, на которой обычно играли маленькие ребяташки. Пёс в надежде выцыганить какой-нибудь вкуснятины завилал хвостом и побежал к незнакомцам. Те отреагировали на появление пса криками и киданием в него палок и камней. Дружку это не понравилось, он несколько раз гавкнул и отбежал от них в сторону. Те начали выпивать, громко смеяться, толкать друг друга, раскачивать качели и ломать покрытие. Пёс ещё несколько раз обозначил своё присутствие. Чужаки разошлись не на шутку. То ли от зноя, то ли от палёного пошла их развезло. Они доломали качели, схватили металлические прутья и стали бить Дружка. Собака пыталась от них убежать, но, видимо, удары сломали ей позвоночник. Пытаясь хоть как-то отползти от разъярённых нелюдей, пёс только раззадоривал их, а они по очереди продолжали бить его железными палками. Пёс потерял сознание.

Вечером он сдох...

Настя

В этой милой симпатичной девушке, белокурой, с смазливym курносым носом и тысячами веснушек сразу и не признать заядлую экстремалку. Настя любила кататься на скейтборде. У неё было много друзей и, как только позволяла погода, она сразу брала доску и бежала на улицу. Ровных площадок для катания было немного, поэтому всё время приходилось искать что-то подходящее.

Друзья разучивали трюки и снимали потом на видео лучшие попытки. От этого они получали удовольствие. Ну а главное в молодёжной тусе – это общение, которого так порой не хватает из-за социальных сетей, в которые, как в омут, затянуло всех Настиных сверстников.

Ей нравилось кататься в любую погоду. Шёл ли мелкий дождь, или асфальт чуть припорошило снегом Настя со своим скейтом обязательно будет тренироваться. Она разгонялась, чувствовала ветер, который развеивал её неряшливые волосы, и ловила равновесие. Доска послушно изгибалась, а скорость то увеличивалась, то немного уменьшалась. Девочка на ходу проделывала лёгкие трюки: то хваталась левой рукой за доску, то подпрыгивала на ней, то на ходу переворачивала доску так, что та, вращаясь вокруг оси, вновь становилась на ролики... Адреналин в крови, счастье на лице...

Один из дней выдался ненастным, но Настя уже решила прокатиться по дорожкам парка, только что высланным камнями. Людей было очень мало, одна семейная пара сидела на лавочке, да какой-то старичок прогуливался с коляской. Девочка поставила скейтборд на дорожку и покатила. Впечатления были великолепными, ровная без кочек тропа помогала осуществлять задуманные трюки. Девушка получала наслаждение от проката. Она приготовилась исполнить вновь придуманные трюки...

Внезапно стая собак неожиданно набросилась на Настю. Десяток разъярённых псов с воем начали кусать девушку. Она попробовала защититься доской, но собаки одна за другой

хватались своими зубами за руки, ноги, голову. Отмашки только раззадоривали псов. Девочка упала на землю, прикрыв руками голову, а обезумевшие дворняги растаскивали её по частям. Подбежал старик, пытаясь оттащить собак и спасти девочку, но озлобленные собаки стали бросаться на него. Подбежала молодая пара. Они начали раскидывать собак. Когда им это удалось и они подобрались к телу Насти, девушка, свернувшись калачиком, лежала на земле, обняв свой скейт. На ней не было ни одного живого места. Лицо было всё в крови, да и из-под футболки и брюк просачивалась кровь...

Её отвезли на скорой помощи в ближайшую больницу. Врачи Настю спасли...

9 дуплет

Хранитель музея

Степана как врага народа приговорили к смертной казни. После прихода советских войск его назвали предателем и пособником фашистов. Только воля случая уберегла хранителя музея от расстрела, и его отправили по этапу в лагерь...

Из города в спешном порядке эвакуировали архивы. Военные покинули свои части, забрав технику и часть боеприпасов, остальное имущество подлежало уничтожению. Музейные работники готовили экспонаты к погрузке и отправке в тыл. В ящики были упакованы самые ценные вещи. Степан лично следил, чтобы всё тщательно и аккуратно было обёрнуто войлоком и бумагой. Слухи донесли, что музей готовят к подрыву.

Ящики с картинами, гравюрами, скульптурами вывезти не успевали. Они пирамидами стояли во дворе музея. Несколько грузовиков привезли взрывчатку. После разгрузки на них загрузили несколько ящиков с ценными артефактами и увезли. Какие-то солдаты ходили по зданию и обсуждали, как правильно заложить динамит. Хранитель музея побежал к руководству города и умолял не взрывать музей.

– Приказ Сталина, – коротко отвечали ему. – Или ты хочешь нарушить указание главного командующего? Знаешь, что за такие речи может быть? Расстрел без суда и следствия...

Собранные коллекции и артефакты, бережно хранимые в залах музея, документы и древние книги, рукописи и фотографии, расположенные на стендах и в шкафах – всё это должно было взлететь на воздух. Всё, чему посвятил свою небольшую жизнь Степан, должно было в одночасье быть уничтожено. Разбитый, раздавленный, непонимающий, он сидел на ступеньках и плакал...

Сапѐры заминировали здание и уже были готовы к подрыву, но помешала вражеская авиация, которая налетела внезапно и разбомбила их командный пункт... Вместе с работниками музея Степан занёс ящики с ценными экспонатами в самый большой зал. Что дальше делать, никто не знал...

А затем в город вошли фашисты, без боѐв, как хозяева жизни. Нашлись и те, кто встречал оккупантов с хлебом и солью. Бывшие градоначальники вдруг стали бургомистрами, преклоняющимися перед новой властью, лебезящими и выполняющими беспрекословно их приказы. Музей превратился в место паломничества. Фрицы приходили поглазеть на картины с обнажёнными натурами и на мраморные статуи дев. Один из больших чинов прислал своего денщика за одной из таких картин. Степан возмутился и не позволил ему взять её. Тогда явился сам офицер, вытащил из кобуры пистолет и приставил его к голове хранителя музея:

– Как ты смеешь, русская крыса, перечить мне, солдату рейха!

– У меня приказ самого Гитлера, хранить сокровища рейха, – почти невозмутимо ответил Степан. Он заметил, что фашисты боятся тех, кто не преклоняется перед ними, у кого есть достоинство и честь.

Фриц сразу обмяк, убрал пистолет и уже другим тоном попросил:

– Меня через месяц – два отправят на фронт, не факт, что я останусь живым. Целыми днями я вижу рожи солдат, а мне так не хватает женской красоты.

– Напишите расписку, и я дам вам на время эту картину...

Утром следующего дня денщик принёс расписку и забрал картину. Через месяц пришёл офицер, вернул картину и попросил расписку назад. Потом уже слухи донесли, что его бригада попала в окружение и всех, кого не уничтожила советская армия, были взяты в плен. Что стало с немецким офицером, осталось неизвестным...

На его смену прибыл злой и беспощадный гауптман. В городе начались публичные казни. На набережной повесили на общее обозрение целую семью, не пощадив ни детей, ни стариков, и целый месяц загоняли людей, чтобы они смотрели на это чудовищное злодеяние. При виде гауптмана жители испытывали страх. Если ему что-то не нравилось или кто-то ему перечил, он приказывал этих людей расстреливать, не чуждался и сам привести свой же приказ в исполнение.

Зачастил младший офицер в стены музея. И его животные инстинкты были направлены на небольшую статую обнажённой девы, которая была прикручена к постаменту. В один из дней музейная ценность исчезла. Степан был зол на фрица и потребовал от него вернуть скульптуру в зал музея. Гауптман, разозлившись, схватил хранителя музея за грудки:

– Вы обвиняете немецкого офицера в воровстве и мародёрстве. Вы понимаете, что вас за это положено расстрелять.

– Понимаю, но эти артефакты принадлежат рейху. Вы же не будете расхищать то, что принадлежит нации... – Степан знал, что фашисты на равных будут разговаривать только с теми, кто перед ними не встанет на колени, не приклонится. Поэтому в его голосе была сталь и жёсткость, бояться ему было нечего, он каждый день ходил между жизнью и смертью...

Утром экспонат вернулся на своё место. Гауптман больше в музей не приходил, а в один из дней партизаны взорвали его машину да так, что от него ничего не осталось. Злодею адская смерть...

Степан ещё несколько раз был на волоске от смерти... Но, видимо, она только с ним играла, а судьба оберегала, чтобы драгоценная коллекция осталась потомкам...

Львы

Фашисты не гнушались ничем, разорjali город. Вели себя беспардонно. Большинство жителей были запуганы, лишь прихлебатели и бургомистры чувствовали себя, как у Христа за пазухой. Устраивали веселье на костях расстрелянных и повешенных людей. Часто свои вечеринки заканчивали в залах музея, где пили из антикварной посуды, иногда вместо столов брали какой-нибудь холст. Степан был против этого вандализма, но хозяева жизни на уговоры и просьбы хранителя музея не реагировали. На них влияли только вышестоящие офицеры, и бумаги ими выданные. Степану удалось получить охранную грамоту, подписанную в канцелярии Гитлера. Она иногда помогала...

Одному немецкому генералу очень понравились львы, которые украшали ступени музея. Он позвал к себе Степана и приказал демонтировать их:

– Они превосходно украсят мой замок в Баварии. Даю вам три дня, срок достаточный, чтобы всё выполнить, да смотрите не повредите этих мраморных хищников, – он погладил их, как свою собственность, нежно, всматриваясь в детали и фантазируя, как они будут смотреться в его имении.

– У меня есть приказ... – пытался показать бумагу хранитель музея.

– Идёт война, бумаги сегодня ничего не стоят. Можете ею камин растопить или дырку заткнуть. Я сказал, что мне эти львы нравятся! И точка! Срок вам дан, больше на эту тему говорить с вами не буду. Понятно?..

Хранитель музея всячески решил оттянуть демонтажные работы. Вместе со служителями они во время очередного приезда генерала показывали активную работу, но, как только тот уезжал, всё восстанавливали. В последний приезд генерал понял, что замыслил Степан, вызвал

конвойных и поместил служителя музея в тюрьму, а остальным приказал срочно демонтировать мраморные изваяния, иначе расстреляет...

Львы так и остались на своих постаментах. Генерала срочно вызвали, и он уехал... Это была маленькая культурная победа над Германией.

Когда генерал исчез из города, хранителя музея выпустили. Он узнал, что ящики с экспонатами, которые должны были эвакуировать, оказались брошенными в поле. Машины, на которых их перевозили, были разбиты. Ящики не пострадали, и Степан на подводах привёз их в музей. О возвращении сокровищ, прознали фашисты. Они повадились в музей, ломали ящики и забирали с собой гравюры, небольшие статуэтки и картины. Было грустно смотреть, как расхищаются экспонаты, которых в мире были единицы. Ночью Степан перенёс уцелевшие ящики в потайную комнату, двери в которую очень хорошо замаскировал.

Всё самое драгоценное из залов музея прятали туда же. Так удалось сохранить множество рукописей, старинных карт, знаменитый фарфор, гравюры и картины...

В воздухе витали ноты будущей победы. Людей начали десятками увозить в Германию. К музею привезли несколько ящиков с бомбами. Степану стало понятно, что в скором времени приедут фашисты, которые вновь будут минировать залы и комнаты. Ночью он перенёс все снаряды в яму, которая находилась в сотне метрах от здания и закопал их. Ящики же заполнил камнями.

Фрицев гнали быстро. Красная Армия брала город за городом. Такой прыти фашисты не ожидали. Когда приехали солдаты и увидели, что ящики пусты, они ничего не стали предпринимать, а быстро ретировались. Через несколько часов в город вошли наши войска. Немцев уже не было. Бургомистры вновь сменили свой облик. А вот музейных работников обвинили в пособничестве. Степана долго допрашивали, избивали. Он остался верен своим принципам. Последней каплей стал момент, когда офицер Советской Армии достал пистолет и поднёс его к голове хранителя музея:

– Я таких как ты, клопов, пока жив, истреблять на этой земле буду...

Степан от удара потерял сознание... Его пытали и мучили ещё несколько месяцев и в конце концов дали расстрельную статью... Но судьба снова повернула всё вспять, и его отправили по этапу в лагерь на десять долгих лет...

Прошли годы. Музей по-прежнему охраняют белоснежные мраморные львы, в экспозиции можно увидеть старинные карты и гравюры, картины украшают холлы и залы, а маленькая скульптура обнажённой девушки встречает всех на входе...

11 Триплет

Артист

Евгений Борисович ещё молодым поймал удачу за хвост. Он мечтал стать артистом, и его мечта сбылась. Главные роли в кино и театре сыпались на него как из рога изобилия. Его узнавали на улице, в магазине, в ресторане... Подходили, брали автографы или просили сфотографироваться. Евгений Борисович любезно соглашался несмотря на то, что ему казалось, что фотосессии больше походили на снимок с обезьянкой.

Но больше всего его смущали глупые ситуации, в которые он попадал из-за того, что лицо его было всем знакомо. Так однажды он ехал в метро на студию «Мосфильм». Вдруг к нему подсаживается пьяненький мужичок и начинает с ним разговор:

– Привет, братишка. Ты чё пропал? Со шконки откинулся раньше всех, так теперь и долги не надо отдавать. Чалились вместе, в карты играли вместе, а карточный долг отдавать нужно, иначе на перо посадят. Ты понял, о чём я судачу? А то смотрю фраером заделался, прикид модный нацепил и думаешь: братва не найдёт. А мы везде, понял, везде!

Артист впервые видел присевшего к нему человека, и ему было не по себе от его речей. Люди, находившиеся в вагоне оглядывались, начинали перешёптываться. Но вежли-

вость и интеллигентность не позволяли Евгению Борисовичу отреагировать на сложившуюся ситуацию резкими действиями. А мужик продолжал нагло, уверенно:

– У тебя выпить есть чего? А то в горле пересохло. В общем так. Сейчас едем ко мне, там перекантуешься. Деньги соберёшь, долг отдашь. Потом посмотрим, что с тобой делать...

К такому обороту артист был не готов. У него репетиция и съёмка намечались, а с уголовником общаться не входило в его планы. Тут Евгений Борисович не выдержал и на чистом блатном жаргоне произнёс:

– Ты меня на понял не бери. Понял? И по фене бакланить с тобой я не буду, фраера кругом, замажут. И ещё будешь висяки мне вешать и предъявы бросать, я быстро на сходняк Серёгу Царя позову, а он сразу тебя научит волю любить. И ещё: бросай бухать, начни трудиться, только труд из обезьяны сделал человека. А карточные долги я прощаю, ты меня понял, чужак? Чао, персик, дозревай! И не отсвечивай, а то загасим.

Мужичок обомлел от такого напора. Люди в вагоне повернулись и зааплодировали.

– Это же Евгений Борисович, артист, помните фильм... – шёпотом передавали они новость друг другу.

А он в это время шагал по вестибюлю метро и думал: «Сыграл-то как! Хорош!»

Расстроенный мужичок, растерянный и подавленный, в толк не мог взять: кто такой Серёга-Царь и из какой он малины? Почему он такого не знает, и почему все эти фраера хлопали в ладоши...

Одноклассник

Довольный Евгений Борисович вышел на улицу, вдохнул морозный горько-кислый московский воздух, улыбаясь и прищуриваясь солнышку, побрёл в сторону киноцентра. Настроение было отменное. Ему предстояла очень увлекательная и творческая работа, встречи с интересными людьми. Вокруг артиста крутился весь волшебный мир кино. Было приятно ощущать, что ты нужен, что ты востребован и нарасхват. Как ему нравилась его работа!

В этот самый момент на Евгения Борисовича налетел мужчина и начал обнимать и целовать его. От этих действий артист не просто опешил, а чуть присел и начал отталкивать незнакомца руками:

– Женька, привет! Как же мы давно не виделись. Со школы? Точно, с экзаменов. Кореш ты мой закадычный. Восемь лет за одной партой! Восемь лет! Целая жизнь! Ты меня не вспомнил, что ли? Колька Семицветов, – снимая потёртую кожаную кепку, проговорил лысоватый. – Не узнаёшь! Конечно, столько времени прошло. Давай присядем на лавку.

– Честно, не припоминаю. Как вы сказали вас зовут?

– Николай Семёнович, Колька. Мы ещё Аньку Шестопалову вместе лапали под лестницей, сигареты у трудовика тырили, а потом за углом школы курили. Женька, ты всё забыл! А я как сейчас помню.

– Не лапал я никого, и сигареты не воровал, и за партой с Таней сидел со второго класса, – пытался вставить Евгений Борисович, но незнакомец был напористее и энергичнее.

– Давай как-нибудь встретимся, посидим, выпьем, закусим, школьные годы вспомним, нашу классную помнишь? Может, к ней наведаемся. Она как нас увидит, в обморок упадёт. Ты, конечно, маститым стал, лощёным. А я как был работягой, так и остался. А Аньку в жёны взял, так что теперь она моя, и тебе, гад такой, трогать её не позволю. Так что решаем, вечером увидимся?

– А в какой школе вы учились, Николай...

– Семёнович! Ну, ты, Женька, даёшь, номер школы, что ли забыл? Сто восемьдесят вторая, там ещё на углу булочная была, помнишь. Мы три копейки до блеска натирали, чтобы монета на двадцать копеек была похожа, и покупали спички, а на сдачу газировку пили. Обманывали продавщицу. Кстати, она так нас ни разу не раскусила...

– А я в двести десятой учился...

– Как же это может быть? Ты что-то путаешь. Директор у нас ещё строгий был еврейчик Захар Моисеевич. Всё время карманы проверял, всё лишнее в коробок собирал. У него целая коллекция была рогаток, поджигов, пугачей, шариков из-под подшипников... Всё ты забыл, Женька!!!

– У меня директором школы была Эмма Наумовна, милая дама, пожилая, мухи не обидит... Вы меня с кем-то перепутали, обознались... Меня сегодня уже принимали за вора-рецидивиста, теперь вот за одноклассника... Вы не переживайте, обязательно своего Женьку встретите, а мне идти надо, у меня сегодня съёмки, в кино я играю. артист

– Точно, вспомнил, вы Евгений Борисович... Мы вас очень любим и фильмы с вашим участием смотрим. Так, может, вечером посидим, выпьем, закусим, а?..

Последняя капля

День, как день! Все узнают, все путают, всё в этом мире однообразно и в тот же момент разное. Евгений Борисович был готов на всё. В каждом встречном он видел потенциального своего приятеля, соседа, одноклассника, однофамильца... Его радовала игра, которую актёр внезапно сам придумал: кем бы мог быть встречный прохожий в прошедшей жизни? Евгений Борисович представлял это, изменяя в своих воображениях внешность человека...

Так он скоротал путь до павильона, в котором предстояло ему работать. Как обычно первой встретившейся на пути была народная артистка всех времён и народов Маргарита Петровна, которая почему-то решила, что имеет право быть наставником и помощником Евгения Борисовича или, как она его нежно называла, Женька:

– Женька, привет! Выглядишь замечательно, пиджачок на тебе прямо как влитой сидит. Сегодня трудная у тебя сцена. Посоветую тебе не горячиться, мягче играй, естественнее, помнишь, как в Сталкере у Тарковского Саша Кайдановский, когда он рассказывал...

Евгений Борисович знал всё наперёд. Пока она не опишет все фильмы, в которых известные и малоизвестные актёры что-то подобное играли, не остановится. Поэтому артист направился вместе со своей спутницей в гримёрную, выслушивая все наставления и последние новости...

Сцену долго репетировали, потом начались съёмки, кое-что получалось с первого дубля, какие-то моменты переснимали. Шёл обычный процесс. Маргарита Петровна после каждой отснятой сцены подходила к Женьке и говорила какой-нибудь комплимент:

– Талант не пропьёшь... Отлично, мастерски... Как всегда неотразимо... Золото не то, что блестит, а то, что я видела сейчас в твоей игре...

Евгения Борисовича с одной стороны это подбадривало, с другой раздражало. Как дать понять народной артистке, что она, как муха надоедливая, и что он уже не мальчик, а взрослый дядя? На съёмочной площадке над ним начали подшучивать, а наиболее едкие коллеги поджучивали и подначивали до неприличия.

После очередной сцены и комплимента от Маргариты Петровны, Евгений Борисович был зол на себя, на свою природную скромность, но подколы даже со стороны гримёров стали последней каплей, он решительно подошёл к ней очень близко и начал говорить:

– Вы знаете, у меня давно разбито сердце, оно разорвалось на части и собрать его может только та, которая меня понимает, в которую влюблён и боюсь ей признаться...

– О, Женькин, вы же женаты, у вас милая семья, не делайте поспешных выводов и действий... Хотя, кто эта Дульсинея вашего сердца, кто эта оболстительница вашего разума, кто эта незваная звезда пленительного счастья?

– Это вы, Маргарита Петровна, вы взорвали мой мозг, моё внутреннее эго, мой фантастический мир желаний...

Народная артистка побледнела, улыбка пропала с её лица, она тут же высохла, как чернослив, но выдержав театральную паузу и сообразив, что происходит, выпалила, как из автомата: – Женулькин, не шали... – Она рассмеялась. – Ну ты шутник, достала старая бабка тебя, так и скажи, а то мозг я ему взорвала, эго нарушила. Дурак ты, Женулькин, дураком и помрёшь! Иди, репетируй, а то опять сцену сорвёшь и так сегодня еле-еле на троечку играешь... Бабник...

12 дуплет

Имам

Времена были страшные. Репрессии преследовали народы. Одних переселяли в безлюд-ные леса Сибири, других угоняли в пустыни Казахстана. Время не щадило ни стариков, ни женщин, ни детей. Страна будто бы ножом была разделена на тех, кто оставался на свободе, и на тех, кого считали по номерам и хоронили в общих могилах за колючей проволокой...

Сергей был конвойным. Работа была непыльная, за неё хорошо платили, да ещё и про-дольственный паёк приличный выдавали. На одежду тратиться не приходилось, казённая форма: зимой тулуп из овчины, утеплённые штаны, летом натуральные, сделанные из хлопка рубашки, плюс хорошие кирзовые сапоги из свиной кожи, вещь, считай, вечная...

Мухаммед – чеченец, его жизнь принадлежала всевышнему, он служил проводником – имамом. Его уважали, ценили и, несмотря на всю агитацию против мечетей, люди к нему шли не только, чтобы помолиться, но и за мудрым советом. Жили спокойно, соблюдая традиции предков. К новой власти относились, как к данности, не возносили, но и не перечили законным новым порядкам.

Всю его деревню в один миг уничтожили, разделив мужчин и женщин с детьми и выселив с обжитого места. Всё происходило внезапно, так что никто ничего не успел с собой взять, в чём были одеты, в том и отправились. Большинство горцев были потеряны и не понимали, что происходит. Имам не мог им объяснить, чтобы советская власть обманула народ...

Всех здоровых мужчин отправили в трудовую колонию, вместе с ними отправился и Мухаммед. Везли в обыкновенных теплушках, телячьих вагонах, набитых битком. Мно-гие соплеменники не выдержали трудной дороги. Но чеченцы не отдавали тела, а молились и по мусульманским законам хоронили недалеко от вагона, закапывая в черно-серый снег. Дальше пяти метров от вагона уходить было нельзя, расстреливали на месте...

В начале пути вайнахи могли находиться в вагонах только притулившись друг к другу, как селёдка в бочке, в конце вагоны практически были пусты, в них оставалось по десять-пятнадцать человек... Свирепствовал тиф, лечения никакого не было... Лекарств тоже. За всё время следования горячую пищу получили только один раз и в мизерном количестве...

От станции до лагеря сотню вёрст пришлось передвигаться пешком. Сопровождали колонну несколько конвоиров, в том числе и Сергей. Около сотни чеченцев поддерживали друг друга, как могли. Но сердце имама этот переход не выдержало. Собратья взяли Мухаммеда и понесли. Около лагерных ворот их остановили и потребовали выбросить тело имама. Сергей вместе с остальными навёл на чеченцев оружие, из-за колючей проволоки выглядывали морды озверелых собак, которые готовы были броситься на заключённых.

Сергей толкая прикладом осуждённых, бил, чтобы они исполнили волю начальства. Вай-нахи положили тело имама посередине дороги и легли рядом, выпущенные на волю собаки, не тронули лежачих горцев, лишь конвоиры покрикивали на них и пытались поднять. Лютовал конвоир Сергей, бил прикладом вайнахов, но они не подавали вида, продолжали лежать около имама.

Начальник колонии плюнул на них, приказав конвоирам усиленно их охранять. В поло-женное время горцы начали молитву. Они встали на колени около Мухаммеда и затянули свою

протяжную песню. От холода конвоиры начали замерзать, но за забор погреться их не пускали. Требование было одно на всех...

Три дня вайнахи молились около тела своего имама, ни на шаг не отходя от него и не давая конвойным забрать тело, пока все не замёрзли. Начальник колонии лишь изредка посматривал в сторону ворот, но открывать их не решался. Только на четвёртый день он вышел со своими подчинёнными. Сто тел лежали около Мухаммеда, свободных и гордых, рядом с ними находились скорченные тела замёрзших конвоиров. Не выдержали они морозов.

Приказал тогда начальник надзирателям колонии всех к одной яме снести. И закопали полуодетых горцев и конвоиров в кирзовых сапогах и овечьих тулупах вместе...

Одним человеком больше, одним меньше... Страшные времена. Чудовищные нравы...

Дети имама

Часть высланных вайнахов поселили на юге Казахстана. Места были испокон веков обжиты мирными казахами-скотоводами, и появление воинствующего народа не сулило местным ничего хорошего. Так и случилось. В небольшом посёлке Кумкинашат вечером выходить на улицу было опасно.

Аул не примечателен. Глиняные заборы, саманные дома, побеленные снаружи, пыльные дороги, небольшие урючины и алычи во дворах, кое-где раскинулись виноградные лозы. И жара, жара такая, что камни лопались с таким пронзительным звуком, как будто в них врезались пули, ступни горели, будто их жарили на сковороде. Спасали людей небольшая речка-арык, которая протекала посередине аула, и тень от деревьев...

После каждой ночи по посёлку шли слухи о криминальных деяниях: то кого-то изнасиловали, то порезали, то произошла кровавая драка. Люди были напуганы, милиция против жёстких и дружных чеченцев сделать ничего не могла, да и, честно говоря, сама побаивалась их. Местные шептались, каждая семья испытала на себе притеснения пришлых, но терпели и боялись...

В этом посёлке поселились дети имама. Пятеро сыновей вместе с матерью неплохо устроились, быстро обзавелись хозяйством... Построили каменный дом на отшибе, рядом с рекой, живности завели много: овцы, бараны, утки... Корма предостаточно, нанимали местных, чтобы ухаживали за скотиной. Если что не так, избивали и выкидывали на улицу без гроша в кармане. Парни в отличие от отца-священника, накопили много ненависти и жестокости и порой вели себя вызывающе...

Один из братьев, Абдулазиз, как-то вечером забрёл в чайхану. Настроение после дня шатания и безделья у него было не очень, и ему хотелось выплеснуть все свои эмоции. Вайнах начал задираться к казашке, которая сидела за столиком рядом с молодым человеком Багдадом. Парень не стал терпеть обид и унижения, отозвал Абдулазиза на улицу, где они размялись в кулачной драке, и, не выявив лидера, помирились. Правда, после драки лица были слегка помяты, рассечения и кровоподтёки, как говорится, украшают лица мужчин. Чеченец извинился перед девушкой и побрёл домой. Всё, что он хотел от жизни, получил.

Брат Ваха, увидев избитого, не стал спрашивать, сразу помчался в местную забегаловку. Багдад умылся и продолжил свой вечер с очаровательной спутницей, они мило беседовали, пили чай с баурсаками и хворостом...

От удара вайнаха стол с напитками и закусками перевернулся, Ваха набросился на Багдада. Тот от неожиданности упал на землю, а чеченец выхватил из-за пазухи пистолет и начал из него палить по лежащему. Только когда Багдад затих, пальба прекратилась. Посетители забились за стойку и притихли. Чеченец ещё раз пнул ногой безжизненное тело и, выругавшись на своём языке, ушёл. Это было безжалостное, жестокое убийство ни в чём не повинного человека, днём, при свидетелях...

Только после его ухода девушка вместе с хозяином чайханы подбежали к Багдаду, но было слишком поздно. Свидетелей конфликта было так много, что скрыть поступок вайнаха было просто невозможно. Но приехавшие милиционеры ничего не смогли узнать, никто ничего им не рассказал...

Пожалуй, это была первая ночь в ауле, когда не было слышно ни выстрелов, ни криков... Туманное утро началось с того, что дом братьев был окружён плотным кольцом местных жителей. В руках казахов были топоры, вилы, ружья...

Братья, вооружённые до зубов, вышли за ворота и, не дожидаясь каких-либо действий, начали палить по толпе. Местные веером пошли на братьев. Кто-то на ходу свалили Ваху и Джамала, тут же вокруг них образовалось кольцо. Их били всем, что было в руках. Тупые звуки и хрипы доносились некоторое время... Казахи расступились, а на земле остались лежать два тела, перепачканные в коричневой пыли и в лужах грязной крови...

Алхазур с Русланом забежали за забор и принялись отстреливаться от толпы, которая в несколько секунд сломала створы и вбежала во двор. Братьев подняли на вилы, это было чудовищное зрелище, тела вайнахов в судорогах трепыхались на нескольких остриях. Жуткая картина мести не остановила разъярённых местных казахов. Они рыскали по двору в поисках пятого брата...

На крыльце на коленях стояла мать чеченцев, она подняла вверх руки и умоляла остановиться. Её взяли за руки и вынесли со двора на улицу к убитым Вахе и Джамалу. В живых оставался только один из братьев Абдулазиз. В сараях его не было, а это означало, что он спрятался от казахов в доме. Местные традиции не разрешали входить в чужой дом без приглашения, иначе быть беде...

Толпа звала вайнаха, чтобы он вышел... Но тот от испуга забился под кровать и только что-то невнятное мычал, от былой смелости ничего не осталось...

Дом горел. Дым и огонь можно было видеть со всех концов аула. Около сгоревшего дома на коленях стояла, кричащая от боли мать, и лежало четыре тела растерзанных горцев...

Пахло полыньёю и гарью. Ветер гонял коричневую пыль по единственной дороге Кумки-нашата. Звуки стонущих, лопающихся от жары камней растворяли тишину...

13 дуплет

Циркачка

«Какой тяжёлый ксилофон, может быть, из-за него я не расту», – думала Тоня, держа инструмент на голове. В тринадцать лет потерять работу в цирке для девочки было большой трагедией и всё потому, что безвременно ушёл из жизни её главный партнёр, отец. А без него все номера, как пыль, рассыпались. Директору цирка не хотелось содержать подростка, и он указал ей на дверь, не спросив, что делать в этом огромном жестоком мире человеку, у которого жильём был балаган, и средства на существование можно было заработать только изнурительными тренировками и выступлениями на манеже...

Приютила бабка. С одной стороны добрая, раз подобрала девчущку с улицы, с другой стороны вечно ворчащая: «От тебя никакой пользы, только грязь и лишний рот»

Решила Тоня пойти учиться в актёрскую мастерскую. Вступительные экзамены нужно было сдавать перед комиссией. Три уставших человека сидели за длинным тёмно-коричневым столом. Видимо, им смотрины будущих звёзд театральных подмостков и экранов не очень нравились. Они курили папиросы и нервно вздрагивали от появления каждого нового соискателя. Футуристы и эксцентрики, безжалостные разрушители всего старого и не понимающие ничего в театральном искусстве, показывали то, что к сцене не имело никакого отношения. Экзаменаторы не выдерживали и, вскакивая со своих мест, выгоняли псевдо-артистов.

Тоня видела выбегающих из зала молодых людей истерично размахивающих руками и похабно ругающих всех деятелей искусства в лице членов комиссии. Она тихонечко протиснулась в дверь:

– Очередная, как зовут, сколько лет, стаж работы? – вопросительно уставился председатель на маленькую не по годам девочку.

– Антонина, пятнадцать, двенадцать, – стараясь, как можно точнее ответить на вопросы, произнесла будущая актриса.

– Что пятнадцать, что двенадцать?

– Мне пятнадцать лет, а стаж работы двенадцать... Я в цирке служила, вместе с отцом...

– Ну, показывайте, что вы нам приготовили... – зевая и не видя таланта в девчужке, произнёс экзаменатор...

Тоня начала. Сначала она показала трюки, вращалась колесом, прыгала кульбиты, сальто. Потом разыграла несколько весёлых сценок. Члены комиссии истерично смеялись, подкидывая новые вводные. Девушка тут же их подхватывала и, придумывая на ходу истории, импровизируя и гримасничая, играла, вовлекая в свою игру строгих экзаменаторов. Пролетело два часа, а прощаться не хотелось...

– У вас большое будущее, вы приняты... – услышала напоследок вердикт комиссии.

Беломор

Пророческие комплименты в адрес Тони сбылись. Её артистизм и физиология были востребованы и в кино, и в театре. Первый же фильм стал для неё триумфальным. Роль мальчика-подранка она исполнила безукоризненно, по крайней мере, так считали все: и критики, и обыватели, – но только не сама актриса.

Для неё эта роль обернулась истерикой, а потом затяжной депрессией...

Но эксцентричная девушка с данными Золушки необходима была режиссёрам. И Тоня заиграла. Она была нарасхват: роли миловидных девушек, сменялись пассажами мальчишек-хулиганов, героиня-красавица в одном фильме, и оторви-голова в другом. Пристрастилась к папиросам. «Беломор» стал неотъемлемой частью имиджа Тони...

Всё разрушила война. В блокадном Ленинграде дневные выступления перед бойцами завершались ночными дежурствами на крыше дома. Голод, холод, многочасовое ожидание хоть небольшой пайки хлеба...

Долгожданная эвакуация в Ташкент, горячий солнечный, к любимому человеку, мужу. По дороге фантазировала, в картинках представляла долгожданную встречу. У неё было две мечты: от пуза наестся и увидеть родное любимое лицо, прикоснуться к нему и расцеловать...

Но мечтам не суждено было сбыться. Поезд попал ночью под авианалёт. Бомбы взрывались, уничтожая вагоны с женщинами, стариками и детьми. Было страшно, как в блокадном Ленинграде, Тоня схватила в охапку детей, которые попали ей под руку и побежала...

В том месиве выжили единицы. Актрису с тремя детьми нашли в сотне метров от железной дороги в канаве, она накрыла плащом детей и себя, и это их спасло.

Месяц выбирались по разбитым дорогам к станции... Ели сухую траву и засохшие ягоды, пили воду из луж и спали в чистом поле, укрывшись плащом...

Мужу сообщили, что Тоня погибла, и он быстро нашёл себе новую спутницу жизни. Когда, наконец, актриса добралась до Ташкента и узнала о случившемся, то обида нахлынула на неё девятым валом, горечь и страх перед будущим превратились в страшный невроз. Девушка сутками сидела в тёмной комнате и плакала. Её то била дикая дрожь, то бросало в жар, то пробивал озноб. От той девчужки-хулиганки не осталось и следа. Она высохла, побледнела, осунулась. От великой актрисы остались всё та же маска и белокурые вьющиеся волосы, твёрдость и незащитность...

Второй раз в жизни её от неминуемой гибели спасла работа. Она окунулась в неё, как в омут с головой. Быстро отпрянув от былого, восстановив сноровку и гимнастические способности, она блистала на подмостках, играя причудливых, не уверенных в себе дам, а потом перевоплощалась в школьницу-отличницу. Съёмки в сказочных фильмах сменялись серьёзными ролями в театре...

Её легко можно было найти. Она всегда находилась рядом с мальчишками-подростками, которые учились у неё мастерству эксцентрики, щёлкали семечки, а она как мастер с папиросой «Беломора» в зубах, давала им дельные советы.

Жизнь-то продолжается!

14 дуплет

Чеченец

От Серёги все шарахались, как от чумного. На гражданке всё иначе. Пыльный грязный город, пустая квартира, вечные проблемы с деньгами. На работу никто инвалида брать не хотел. У него и правда был изъян, который отпугивал людей. Глаза после контузии и тяжёлой травмы головы покрылись пеленой, и весь мир в одночасье для него стал, как для ёжика в тумане. Едва различал силуэты людей, зданий. Краски для него погасли вовсе. Всё было в серо-бело-чёрном цвете. Такие глаза приводили окружающих в замешательство, и Сергей вынужден был носить очки с затемнёнными стёклами. Вслед он часто слышал:

– Чеченец отвоевался, видно, погнался за большой деньгой, вот и получил по шапке. Сколько их ещё будет...

Они ехали в бронетранспортёре. Фугас взорвался, и машину тряхнуло так, что казалось, будто она подлетела метров на сто и потом с грохотом ударилась оземь. У Серёги помутнело в глазах, и он потерял сознание. Очнулся он от того, что пекло лицо. Это жаркое солнце выжигало всё на своём пути. Серёга отполз в тень и огляделся. Сильно кружилась голова, и тошнота комком стояла в горле. Бронетранспортёра с его товарищами поблизости не было. Как же он мог очутиться вне машины? Он помнил взрыв фугаса, как их подбросило, и всё...

Хорошо, что автомат рядом, фляжка с водой. Он вышел к дороге, оглядываясь по сторонам. Лицо покрылось мелкими волдырями, так проявили себя солнечные ожоги. Хуже всего было то, что болели глаза, в них будто миллионы игл одновременно воткнули. Из-за этого смотреть было невыносимо, всё размазывалось, и полной ясности не было. Боль можно было успокоить только холодной водой. Серёга мочил пилотку и постоянно прикладывал к глазам. Когда стихали болевые ощущения, двигался вперёд. Потом останавливался и продолжал процедуру. Было страшно идти вдоль дороги, которую то и дело обстреливали боевики, но иного выхода не было.

У ручья Сергей решил остановиться. Идти дальше он просто не мог. Всё было в молочном тумане, а на ощупь передвигаться было невозможно. Он опустил лицо в ручей. Прохлада воды утихомирила боль в голове и ноющие ощущения в глазах. Где ребята? Почему он остался один? Сергея мучили мысли. И как это бывает, тревога только нарастала. Всю ночь он шёл вдоль ручья и к утру доплёлся до своей бригады. Живительная влага помогала и приводила рассудок и зрение в порядок...

Товарищей на месте не оказалось, но они были живы, и это для него в этот момент было главное. Сергей спокойно выдохнул. В санчасти узнал, что у него сильное сотрясение головного мозга и возможна потеря зрения...

Вечером его должны были вертушкой эвакуировать в госпиталь. Ему не хотелось покидать ставший уже родным горный аул. Дома его никто не ждал, с работой тоже были проблемы, а здесь и кормёжка, и деньги какие-никакие, да и друзья рядом. А ещё горы, красивые и неповторимые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.